

Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века.

Приказчики камчатских острогов в 1700–1730 годы

Зуев А. С.

Русские остроги на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века
Охотский острог. 1647 год

Первым русским поселением на берегу Охотского моря стало построенное отрядом И. Москвитина в 1639 г. «зимовье с острожком» недалеко от устья р. Ульи[1037]. М. И. Белов и А. И. Алексеев считали, что москвитинцы поставили также острожек на р. Охоте, который вскоре был разрушен ламутами[1038]. Но это предположение не получило поддержки у других исследователей.

Весной 1647 г. к устью Ульи вышел отряд под командованием якутского казачьего десятника Семена Андреевича Шелковника. Здесь он соединился с казаками, оставленными В. Поярковым. 23 мая объединенный отряд прибыл к устью р. Охоты. Разбив местных ламутов, русские в конце июня 1647 г. в трех верстах[1039] выше устья реки на берегу протоки Амунки поставили зимовье[1040]. Вероятно, оно имело типичный для зимовьев того времени вид: срубы с плоской крышей и, возможно, с нагороднями. К 1649 г. казаки под руководством Ивана Афанасьева «круг зимовья поставили косой острог», т. е. окружили его частоколом из заостренных бревен. С этого времени поселение стало официально именоваться Косой острожек[1041].

Весной 1652 г.[1042] (по другим данным – в 1651[1043], 1653[1044] или 1654 г.[1045]) на острог напал большой отряд ламутов. Гарнизон (около 35 чел.), не выдержав осады, ушел в Ульинское зимовье. Ламуты сожгли острог. Восстановлен он был на прежнем месте летом 1654 г. отрядом якутского сына боярского Андрея Булыгина, который прибыл к р. Охоте из Ульинского зимовья. Были поставлены «государев анбар, аманатская казенка, судная изба и жилища для казаков». Строения были обнесены стоячим частоколом. Новый острог имел вид четырехугольника, был «мерюю в длину 20 сажень, а поперек 10 сажень» (всего по периметру 60 сажень). С этого времени он стал именоваться Охотским[1046].

Однако острог нередко затопляло разливом реки, и в 1665 г. он был перенесен выше по течению, за 7 верст от устья[1047] (а не ближе к морю, как считали некоторые историки[1048]). Сохранилось описание этого острога за 1666 г.: «Охоцкой город рубленой, а рублен в косой угол в одну стенку без нагороден, о два боя, вышина две сажени без аршина. А мерюю кругом рубленого городу от избы, где приказные живут, до башни 17 сажень, а от башни до амбара 8 сажень. А башня в две сажени без двух четвертей, вышина башни полчетверти сажени печатных, о четырех боях. Да в городской стене великих государей онбар казенный о двух жирах и с нагородней, в городской же стене другая изба, живут казаки, в городской же стене третья изба, живут приказные люди, с нагороднею. В городе две избы аманатские, да караульня, да поварня. А кругом от ворот до ворот же мерюю около города и около изб и онбара 43 сажени печатных»[1049]. Таким образом, новый острог оказался меньше прежнего по площади, возможно, имел форму треугольника, вновь был обнесен «косым» частоколом, имел одну башню[1050], «государев» амбар» и «приказную» избу с нагороднями, которые также фактически являлись башнями.

Через 14 лет, согласно отписки приказчика Охотского острога пятидесятника Семена Соркоумова от 1682 г., острог мало изменился: «А в острожке башня воротная о трех житьях (трехэтажная. – А. З.), да в острожке ж у башни воротные в стене изба ясачная, а другая изба для прибылово караулу и с сеньми, да в острожке ж в стене две избы и с сеньми, где живут приказные люди, да в острожке ж изба караульная и с аманатскою казенкою, а под караульною избою анбар холодной для аманатского выпуска, да в острожке ж анбар казенной о двух жильях, да за острогом анбар новой, где кладут аманатской рыбной корм»[1051].

К концу 1683 г. в острожной стене имелось уже две башни: одна вышиною пять сажень, другая – три сажени, а сам острог по периметру оказался 33 «сажени печатных»[1052]. В 1686 г. приказчик Охотска сын боярский Иван

Крыжановский дал следующее описание острога: в острожной стене «башня воротная о трех житьях, от башни воротные изба ясашная, по другую сторону изба для прибылого караулу с сеньми. Да в острожке в стене две избы с сеньми, где живут приказные люди. Да в острожке же изба караульная и с казенною аманатцкою новая, да с казенкою аманатцкою амбар холодной для летнего аманатцкого выпуска. Да в острожке и в стене башня наугольная о трех житьях. Да в острожке ж в стене анбар казенной о дву житьях. Да за острожком анбар с рыбюю и с суюкою с аманатцким кормом»[1053].

В 1688 г. казаки вновь переносят острог на более удобное для рыбной ловли место в трех верстах от устья р. Охоты на ее изгибе у самого моря. Новый острог в отличие от прежних укреплений, окруженных «частоколом», имел стены, «рубленные в заплот». В стенах стояли две башни: «одна вышиною 5 сажень, а другая 3 сажени». Высота стен составляла 5 сажень, а их общая длина – 35 сажень «печатных»[1054].

В конце XVII – первой четверти XVIII в. реконструкция острога скорее всего не проводилась, и все строения ветшали. Открытие с 1716 г. регулярного морского сообщения с Камчаткой повысило значение Охотска. Постепенно он стал принимать вид порта, особенно оживившегося с прибытием Первой Камчатской экспедиции. Однако новые постройки возводились не в остроге, а рядом с ним в «экспедиционной слободе», расположенной у самого устья рек Охоты и Кухтуя, где были сооружены канцелярия, ясачная изба, амбар, баня, кузница, несколько каменных складов, избы для «экспедиционных служителей»[1055]. Сам же острог продолжал в буквальном смысле гнить. К октябрю 1726 г. в нем было 10–11 дворов со строениями и около 30 русских жителей[1056]. В «рописном списке» 1731 г. комиссара Семена Лытягина сообщалось, что «Охоцкой острог рубленой в заплот, ветхой, без верху. Подле той башни, в полуденной стороне, три избы черные, ветхие, где живут комиссары. В том же остроге амбар двоежирной, где кладется всякая казна»[1057]. В августе 1731 г. сильное наводнение смело многие постройки, в том числе двор В. Беринга и ясачную избу[1058].

Анадырский острог. 1649 год

Поставлен С. И. Дежневым летом 1649 г. О его точном местоположении в литературе высказывались разные суждения. По мнению И. С. Вдовина, специально исследовавшего эту проблему, поселение было основано примерно в 18 км выше современного села Марково, в районе сел Солдатово и Оселкино, на одном из островов р. Анадырь[1059]. Некоторые исследователи считали, что его заложили на левом берегу Анадыря при впадении в него протоки Прорвы, выходящей из правого притока Анадыря р. Майн, причем не выше, а ниже в 10 – 15 км от с. Марково[1060]. К 1655 г. поселение, вероятно, было уже достаточно большим, по крайней мере, в том же году весенний паводок снес 6 изб и 20 амбаров[1061].

Первоначально дежневские казаки поставили зимовье, не имевшее укреплений. Последние, по мнению Д. Я. Резуна, появились в виде палисада около 1651/52 г.[1062]. Однако И. С. Вдовин указал на то, что еще в 1659 г. С. Дежнев в отписке в Якутск сообщал: «Да на Андырь же реке острогу от ыноземцов крепости нет, потому что живет люд промышленной оплошливо, аже бог даст весна приспиеет, и яз велю поставить острог на Андыре реке и ясачное зимовье, и аманатцкое зимовье велю построить...»[1063]. Это обещание выполнил уже первый официальный приказчик Анадырска сын боярский Курбат Иванов в 1659/60 г.: «В прошлом во 59-м году поставил я, Курбатко, острог и в остроге аманатцкую избу, и с нагороднею, и со всякими крепостями, и зимовье построил, и в остроге государев амбар»[1064]. Строения (государев амбар и несколько изб, в том числе таможенная и аманатская) были обнесены частоколом. На крышах построек нарубил нагородни – башенки с бойницами[1065].

Но качество строительного материала (тополевого леса) и климатические условия приводили к тому, что острожные строения очень быстро гнили и ветшали. Поэтому уже в 1664 г. новый приказчик Иван Бакшеев (Рубец) вынужден был реконструировать острог – заново построить зимовье, амбары, а вокруг них тын из «острожин»[1066]. В 1688 г. последовал еще один «ремонт»: по приказу приказчика В. Кузнецова казак Иван Андронников со служилыми и промышленными людьми «ясачное новое зимовье построил и острог... около ясачного зимовья поставил»[1067].

Ко времени прибытия в Анадырск 29 апреля 1696 г. приказчика В. Атласова там имелось всего одно старое зимовье «с нагородней», два амбара и «аманатская казенка»[1068]. Остальные строения, видимо, развалились. Поэтому вскоре началось новое строительство. Когда и при каком приказчике оно было произведено,

неизвестно, но закончилось до 1718 г., поскольку в этом году, согласно донесению казака Федора Татарина, острог имел уже новый вид: «Острог решетчатый, в нем: ясачная с перерубом и прирубом казенка изба; в казенке держат аманатов; сени с прирубом; два амбара; над сенями вышка, под вышкой в боку 3 амбара; в острожной стене амбар. В остроге государев двор; в дворе три строения: изба и сени крыты под одну кровлю желобьями тесаными»[1069]. Кроме того, по некоторым сведениям, в остроге и рядом с ним располагались церковь и 60 дворов местных жителей[1070].

Любопытно отметить, что на одной из карт начала XVIII в. – «Чертеже вновь Камчадалские земли и моря» (так называемой «Карте Кубасова») – в районе р. Анадырь зафиксированы три зимовья: Нижне-Анадырское, Средне-Анадырское и Верх-Анадырское[1071]. Но их существование не подтверждается письменными источниками. Хотя не исключено, что по течению Анадыря могло стоять несколько русских промысловых зимовий.

Гижигинское зимовье. 1651 год

Построено осенью 1651 г. М. Стадухиным в устье р. Гижиги[1072]. После зимовки, в 1652 г., Стадухин покинул зимовье, не оставив там гарнизона, и оно было заброшено. В дальнейшем, вплоть до середины XVIII в., в устье р. Гижиги не отмечено ни одного русского поселения.

Тауйский острог. До 1652 года

По поводу его основания точные сведения, к сожалению, отсутствуют. Наиболее распространенная версия заключается в том, что Тауйское зимовье (острожек) как временное пристанище первоначально было поставлено в 1648 г. охотскими казаками во главе с Алексеем Филипповым в Тауйской губе в устье р. Мотыхлейки (Мотылей, Мотылейки, ныне – Мотыклейка). От названия реки зимовье стало именоваться Мотыхлейским. Позднее оно было возобновлено и перестроено в острог М. Стадухиным, и с тех пор стало называться Тауйским[1073].

При изложении этой версии многие исследователи допускали одну принципиальную ошибку. Они считали, что Стадухин возобновил острожек, поставленный Филипповым, т. е. было одно поселение, но под разными названиями: Мотыхлейское или Тауйское[1074]. При этом, как ни странно, не обращалось внимание на то, где же оно все-таки находилось: на Мотыхлее или на Тауе? Кроме того, назывались разные даты прибытия Стадухина на р. Тауй: 1651[1075], 1652[1076], 1653[1077] и даже 1656[1078] год.

Ясность в эти вопросы внесли исследования Б. П. Полевого[1079] и А. А. Бурькина[1080]. Первый выяснил, что Стадухин прибыл в устье Тауя 10 сентября 1652 г. Второй, придерживаясь той же датировки, пришел к выводу, что речь должна идти о двух разных острожках – стадухинском и филипповском. Он обратил внимание на то, что Филиппов в своей «Росписи рекам»[1081] (отчете о походе) подробно описал береговую линию и географические объекты-ориентиры на Охотском побережье к северу от Охотска только до р. Мотыхлейки, где и поставил в 1648 г. свое зимовье: «и на той реке у служивых людей зимовье было поставлено». Ни о каком зимовье на р. Тауй, ни о пребывании там самого Филиппова в этой «росписи» ничего не говорится.

Далее Бурькин указал, что Стадухин в своей отписке 1 марта 1658 г. сообщил: «а как мы пришли на Дирядну реку, с сую сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161 (1652) году сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен»[1082]. Соответственно, получается, что если Стадухин написал «острожек поставлен» вместо того, чтобы рассказать о его строительстве, значит в устье Тауя уже существовал «острожек», и именно его перестроили в острог стадухинские казаки. Ничего, кстати, о строительстве острога не сказал в своей челобитной 1657/58 г. участник похода казак А. М. Аршин[1083]. В связи с этим Бурькин обратил внимание на сообщение исследователя истории камчатских церквей В. Крылова, который (к сожалению, без ссылки на источники) датой основания Тауйского острога считал 1650 г.[1084]. Можно также привести мнение таких историков, как П. А. Словцов и А. С. Сгибнев, относивших основание Тауйского зимовья к 1639 г. и приписывавших его строительство казакам И. Ю. Москвитина[1085]. Роль москвитинцев в этом деле, правда, весьма сомнительна, поскольку считается, что до Тауя они не доходили[1086], и, соответственно, если острог и был поставлен в 1639 г., то каким-то другим русским отрядом.

Таким образом, получается, что к северо-востоку от Охотска на побережье было поставлено два зимовья: Мотыхлейское в устье р. Мотыхлейки в 1648 г. (А. Филипповым) и недалеко от него Тауйское – в устье р. Тауй до 1652 г., возможно, в 1650 г. (по предположению А. Бурыкина, охотскими казаками). Первое после ухода Филиппова с течением времени прекратило свое существование, по крайней мере, во второй половине XVII – начале XVIII в. совершенно не упоминается в источниках. Второе было также заброшено, но в 1652 г. перестроено в острог Стадухиным. Однако после этого в нем по-прежнему не было постоянного гарнизона, хотя в списках ясачных зимовий оно числилось до 1667 г.[1087], т. е. русские появлялись в нем периодически в целях сбора ясака с окрестного населения.

В последней трети XVII в. упоминания о Тауйском остроге (или зимовье) исчезают из документов. Оно или полностью прекратило функционировать, или же изредка посещалось случайными партиями казаков и промышленных людей. В частности, «во 197 году послан из Охоцкого острожку казак Фролко Кондратьев с товарищи на Тоуй реку для обереженья тоуйских тунгусов от неясачных коряк»[1088]. Явно, что для «обережья» не только тунгусов, но и самих себя казаки где-то должны были укрываться.

Сведения о существовании Тауйского острога (зимовья) нашли отражение и в картографических материалах. Его можно обнаружить на двух чертежах С. У. Ремезова – «Чертеже земли Якутского города (с «доездом»)» и «Чертеже земли Иакуцкого города»[1089], составленных на рубеже XVII–XVIII вв.

В начале XVIII в. происходит «воскресение» острога. С. П. Крашенинников, собиравший, как известно сведения об основании русских острогов на Камчатке и близ нее, даже записал в своей работе, что «начало сего острога, которой прежде зимовьем назывался, от 717 году»[1090]. Но исследователя подвели его информаторы, поскольку Тауйское зимовье, как следует из грамоты Сибирского приказа якутскому воеводе от 22 ноября 1709 г., вновь функционировало уже в 1708 г.[1091], а значит, восстановлено было до этого года. Упоминается Тауйское зимовье и в 1710–1720-е гг. Его изображение встречается на «Чертеже похода И. Козыревского» (1713 г.) и «Карте Восточной Сибири от Лены до Камчатки» (около 1726 г.)[1092]. К 1731 г. поселение официально считалось острогом, было расположено на правом берегу устья р. Тауй, почти у самого моря, имело ясачную избу, аманатскую казенку, поварню и амбары для хранения «государевой казны». Но при этом вокруг строений совершенно отсутствовали какие-либо укрепления (острожные стены)[1093].

Чендонские остроги. Вторая половина XVII в.

В документальных и картографических материалах, а также в литературе применительно ко второй половине XVII в. встречаются сообщения о Чендонских острогах или зимовьях. Время и место их основания не вполне ясны вследствие крайней скудости информации, содержащейся в источниках, несовпадения гидронимов и топонимов XVII в. и современных, что подчас делает невозможным точную привязку к местности, и, наконец, просто невнимания к этой проблеме исследователей.

Одно Чендонское зимовье упоминается в 1650–1660-х гг. на устье р. Барановой (она же, вероятно, Быстрая, или Кегали), впадающей в р. Омолон[1094]. Другое – в 1657 г., возможно, в верховьях р. Гижиги (которая в то время называлась также Чендоном) основал Федор Чюкичев[1095]. Третье стояло в среднем течении р. Пенжины (также называвшейся одно время Чендоном) у устья р. Часовишной и функционировало там в 1670–1681 гг.[1096] Острог на р. Чендон (Гижиге) отмечен на «Чертеже вновь Камчадальские земли» (около 1700 г.)[1097].

В 1708–1709 гг. упоминается Чендонский корякский острожек, стоявший на р. Гижиге[1098]. Видимо, его изображение дано на «Карте мест, от реки Енисея до Камчатки лежащих» (известной также, как «Якутская карта 1710–1711 гг.») Ф. Бейтона[1099].

Ямской острог. 1692 год

Исследователь сибирских народов Я. И. Линденау в 1742 г. записал, что «местность вокруг р. Ямы была занята Стадухиным. Старые жители этой местности рассказывают... Прибыв туда, где стоит острог, Стадухин построил зимовье, которое стало называться Ямским зимовьем... На следующий год Стадухин отправился в Охотск, оставив в зимовье четырех человек. Когда Стадухин с дружиной ушли, то пришли в эти места два рода оленных тунгусов, а именно Ujegani и Dolgani. Они вступили в борьбу с ламутами, и Ямское зимовье было превращено в

пепел, а четверо, оставшихся из дружины Стадухина, были убиты»[1100]. На основании этой легенды современный исследователь А. А. Бурькин пришел к утверждению, что Стадухин и его спутники «осенью 1652 года основали Ямское зимовье (современный поселок Ямск Ольского района Магаданской области), а позднее – Тауйское зимовье»[1101]. Но это не так. М. Стадухин в своей отписке 1658 г., на которую, кстати, ссылается и Бурькин, сообщал: «А с той реки Зиги (Гижиги. – А. З.) шли морем лето целое, а как мы пришли на Дирядну реку, с сую сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161 (1652) году сентября в 10 день»[1102] (см. прилож. 1). Ни словом о р. Яме не упомянул в своей челобитной 1657/58 г. другой участник похода – казак Архип Масимович Аршин[1103]. Поэтому можно утверждать, что с Гижиги стадухинцы морем прибыли сразу на Тауй. В ходе плавания вдоль Охотского побережья они заходили в устье р. Ямы, но никакого зимовья там не ставили. В противном случае Стадухин не преминул бы приписать к своим заслугам строительство еще одного поселения.

Заметим также, что о возможном строительстве Ямского зимовья Стадухиным не упоминается ни в одной работе по истории русских географических открытий на Дальнем Востоке, в том числе в самой обстоятельной на сегодняшний день биографии самого землепроходца, написанной известным знатоком архивных материалов Б. П. Полевым[1104].

Так что упомянутое сообщение Линденау представляет собой не более, чем легенду, которая, кстати, фиксировалась и позднее. Т. И. Шмалев в своих «Примечаниях... о бывших в прежния времена в здешних отдаленных местах сухопутных и водяной коммуникации трактах...», составленной 27 января 1775 г., отметил: на р. Яме «стоит старинный и прежде Охотска начатой и заведенной острог еще пришедшими неведомо ис каких стран рускими людьми на морском судне в давно прошедшем 1654-м году и теми людьми заясачены иноверцы тутошняя»[1105]. Эта легенда весьма показательна в том отношении, что среди казаков, служивших на Охотском побережье, бытовали устные предания о событиях столетней давности, и они знали, что приоритет в открытии северной части Охотского побережья принадлежит Стадухину.

Первое же точно датируемое и подтверждаемое источниками сообщение о строительстве на Яме русского поселения относится к 1692 г. В этом году из Охотска до Ямы плывал отряд Ивана Антипина Соловья, который, объясачив 60 ямских коряков, поставил на Яме зимовье[1106]. Информация о постройке на Яме русского зимовья дошла до С. У. Ремезова, который зафиксировал его на одном из своих чертежей – «Чертеже вновь Камчадалские земли» (около 1700 г.)[1107]. Однако это зимовье носило временный характер, поскольку в последующие почти сорок лет о нем нет никаких упоминаний, в том числе в картографических материалах.

В 1730 г. в устье Ямы командой пятидесятника Ивана Лебедева вновь было поставлено укрепление (зимовье или острог), но осенью того же года оно подверглось нападению окрестных коряков, которые вынудили гарнизон бежать, а поселение сожгли[1108]. Окончательно русские укрепились в устье Ямы, заложив здесь острог, во второй половине 1730-х гг.[1109].

Апукинское зимовье. 1696 год

Поставлено на р. Апуке (Опуке) отрядом Л. С. Старицына (Морозко) во время похода на Камчатку[1110]. В дальнейшем не упоминается.

Нижнекамчатский острог. 1697 год

Первоначально был основан Владимиром Атласовым осенью 1697 г. как зимовье (Еловское), вероятно, в устье р. Еловки, впадающей в р. Камчатку[1111]. Прибывший в 1702 г. на полуостров первый камчатский приказчик Тимофей Кобелев отстроил зимовье заново[1112]. Однако непонятно, сделал ли это он сам, или по его указанию служилые люди. С. П. Крашенинников сообщал, что Кобелев в 1704 г., возвращаясь с Камчатки, оставил на устье р. Еловки несколько человек «вольницы» и «велел им зимовья построить и ясак збирать с шанталских иноземцов»[1113]. Новый приказчик Михаил Зиновьевич Многогрешный (Черкашенин) весной 1704 г., возвращаясь из похода к устью Камчатки, «ясашную избу и зимовья с Еловки реки» перенес на р. Камчатку и «завел острог немного выше ключей, а ниже Еловки расстоянием верст с 5»[1114], т. е. между местечком Ключи (северное подножие Ключевского вулкана) и речкой Еловка. Ряд исследователей ошибочно называл и другие даты переноса зимовья с Еловки к Ключам: 1702[1115] или 1703 г.[1116], присваивая при

этом Многогрешному лавры первооснователя Нижнекамчатского острога. Некоторые вообще смещали всю хронологию, утверждая, что Нижнекамчатский острог был основан в 1703 г. В Атласовым (!)[1117].

Сменивший Многогрешного Василий Михайлович Колесов, в свою бытность приказчиком на Камчатке с сентября 1704 по май 1706 г., реконструировал острог: «построил козельчатой же острог мерою кругом тридцать сажень, в вышину полтрети сажени»[1118]. Однако место под острог оказалось выбрано неудачно и периодически затапливалось во время разлива реки. В 1713 г. его жители жаловались: «в Нижнем Камчадалском остроге, где поставлен Нижней Камчадалской острог и ясашное зимовье и дворы служилых людей, и то де место повсегодно топит водою, и вода де на том месте бывает от земли в вышину в аршин и в иных местех и в полтора аршина, и стоит та вода в Нижнем Камчадалском недель по пяти и по шти»[1119].

В ответ на эту челобитную приказчик, а им опять в 1712–1713 гг. был В. Колесов, решил перенести строения на три версты ниже по р. Камчатке ближе к Ключам[1120]. Эту задумку осуществил приказчик в 1713–1714 гг. Иван Енисейский. При нем на Ключах (близ устья речки Уачхачь) был построен новый острог, причем вместо прежних стен, «составленных из тонких жердей козельчатых, подобных огородному частоколу», поставили тыновые бревенчатые стены. В 4–5 верстах ниже острога по р. Камчатке, на речке Ключовка, была воздвигнута церковь во имя Николая Мирликийского Чудотворца, первая на Камчатке[1121]. С. П. Крашенинников в одном месте своего «Описания земли Камчатки» упоминает, что новый острог «заведен был от Андрея Кутьина»[1122], т. е., возможно, именно последний был непосредственным руководителем строительства.

Нижнекамчатский острог («острог Камчацкой на Ключах») встречается на «Чертеже вновь Камчадалские земли» С. У. Ремезова (после 1706 г.), «Чертеже похода И. Козыревского» (1713 г.), «Якутской карте» Ф. Бейтона (1710–1711 гг.), «Карте Восточной Сибири от Лены до Камчатки» (около 1726 г.)[1123].

В 1723 г. в остроге имелись ясачная изба, аманатская казенка, амбары. Укрепления представляли собой «стоячий тын» с одной башней над проезжими воротами[1124]. Рядом с острогом и церковью стояло несколько десятков жилых дворов[1125]. В 1727 г., по данным В. Беринга, непосредственно около острога располагалось «дворов з 50, да в другом месте, где церковь, дворов с 15»[1126].

Но и на этом месте острог по прежнему по весне заливался водой. В мае 1726 г. нижнекамчатские служилые переправили в Якутск прошение, в котором сообщали: «В прежних годах от Нижнекамчатского острога вниз по р. Камчатке версты с 4 построена в урочище Ключах вновь церковь Николая Чудотворца, а мы живем в Нижнекамчатске от церкви в дальности вверх по Камчатке и без указа сплавить казенные и наши дворы к церкви не смеем; а где ныне острог, ясачное зимовье и наши дворы место низкое, вешнюю водою топит и в воде жилье стоит недель по шести; а на ключах Никольской церкви место высокое и по сему повелено б острог, ясачную избу и наши дома туда переплавить»[1127]. Очередной перенос и перестройка острога произошли после 1731 г.

Верхнекамчатский острог. 1697–1699 годы

По поводу даты основания и имени основателя этого острога среди исследователей нет единого мнения. Исходя из сказки Атласова, записанной 3 июня 1700 г. в Якутской приказной избе, можно предположить, что первое русское поселение в верховьях р. Камчатки было поставлено в конце лета – начале осени 1698 г. после возвращения атласовцев из «Курильской земли», когда сам Атласов остался зимовать на р. Иче, «а на Камчатку реку послал от себя служилых людей Потапа Сюрюкова, всего 15 человек, да ясачных юкагирей 13 человек»[1128]. Верхнекамчатский острог значился уже на первой карте Камчатки, созданной около 1700 г. в Тобольске С. У. Ремезовым, использовавшим сказки Атласова[1129].

С. П. Крашенинников первоначально, в работе «О завоевании Камчатской земли, о бывших в разные времена от иноземцов изменах и о бунтах служивых людей», «лавры» основателя Верхнекамчатского поселения присвоил П. Сюрюкову, «который по отбытии Атласова [т. е. в 1699 г.] вверху Камчатки построил два зимовья, где ныне Верхней Камчатской острог»[1130]. Затем, уже в «Описании земли Камчатки», он утверждал, что острог поставил сам Атласов, который, возвращаясь в Анадырск, оставил там Сюрюкова[1131].

Эти две версии в разных вариациях, но без привлечения дополнительных доказательств, почерпнутых из источников, нашли отражение в последующей литературе. Причем большинство историков основателем острога считали все же Атласова[1132], а Г. А. Леонтьева постройку им первого зимовья в верховьях р. Камчатки отнесла даже к лету 1697 г.[1133]. По ее мнению, Атласов, будучи на р. Иче, в 1698 г. в виду опасности нападения ительменов приказал бывшему в Верхнекамчатске П. Сюрюкову «укрепить зимовье острожной стеной, сделать в ней стрельницы, а не избы, что внутри стены, нарубить сторожевые и стрельные башенки – нагородни. Так зимовье в 1698 г. было преобразовано в Верхнекамчатский острог»[1134]. Другой версии придерживались И. И. Огрызко и М. И. Белов, которые считали, что острог был поставлен по указанию Атласова П. Сюрюковым в 1698[1135] или 1699 г.[1136].

После ухода Сюрюкова с Камчатки в 1699 г. Верхнекамчатское поселение было заброшено. Восстановил его прибывший на полуостров первый приказчик Т. Кобелев. Некоторые историки неверно считали, что произошло это в 1700 г.[1137], другие избегали точной датировки[1138]. На самом деле в 1700 г. Кобелев только получил назначение на Камчатку, а прибыл туда не ранее 1702 г., когда начал собирать ясак[1139]. Он перенес поселение на полверсты от прежнего на берег р. Кали-Кык (Кали-Кыг)[1140]. По уточненным Б. П. Полевым данным, это случилось в 1703 г.[1141] Участник отряда Т. Кобелева Иван Енисейский позднее, в своей челобитной 1710 г., сообщил: «А как пришли на Камчатку, и в верху на Камчатке поставили острог и ясачное зимовье»[1142].

В 1705 г. другой камчатский приказчик В. М. Колесов реконструировал укрепления: «около Верхнего зимовья и казенного анбара, что на Камчатке, построил острог козельчатой мерою кругом семдесят сажень, а вышиною полтрети [2,5] сажени печатных»[1143]. На «Чертеже похода И. Козыревского» (1713 г.) из «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова «Верхней Камчатской» острог обозначен на р. Камчатке между реками Тулбачик (ныне – Толбачик) и Елосвина (?) [1144]. Очередная перестройка острога произошла через 10 лет. По сведениям И. И. Огрызко, подчерпнутым из материалов Г. Ф. Миллера, в 1715 г. временно исполняющий обязанности камчатского приказчика И. Козыревский вместо прежних «козельчатых жердей» поставил бревенчатые стены[1145]. Эти сведения дополняет челобитная от 29 июня 1715 г. служилых и промышленных людей, которые сообщили, что, получив известие о нападении юкагиров и коряков на В. Колесова и И. Енисейского, «в нынешнем де 715 году, слыша такие ведомости, на Камчатке в Верхнем Камчадалском остроге круг ясачные избы стамовой бревенчатой острог построили, чтоб мачно твою великаго государя казну и аманатов оберечь от мирных и немирных иноземцов»[1146].

В последующие годы, по крайней мере, до конца 1730-х гг., никаких реконструкций острога не проводилось[1147]. В 1722–1723 гг., согласно описям, составленным при передаче Верхнекамчатского острога от одного приказчика другому, острог представлял собой небольшое поселение. Из казенных зданий в нем располагались ясачная (она же приказная) изба, два амбара и аманатская казенка. Эти строения были обнесены бревенчатым стоячим тыном. В остроге имелась одна медная пушка[1148]. Такой вид он сохранял и в 1731 г. («острог стоячей, бревенчатой, в том остроге приказная изба, при той избе анбар, где летом сидят аманаты, а в остроге над воротами анбар, где кладетца всякая Е. И. В. казна»[1149]). В 1726–1728 гг. в остроге и рядом с ним насчитывалось 17 жилых дворов и часовня[1150].

Ичинское зимовье. 1698 год

Построено Атласовым в 1698 г. на р. Иче[1151]. После ухода Атласова было совершенно заброшено русскими, поскольку в последующие годы не упоминается ни в одном известном источнике.

Укинские зимовья. 1703 год

Шесть укинских ясачных зимовий были построены в 1703 г. отрядом анадырских казаков под командой Андрея Кутьина близ устья рч. Кальны, впадающей в р. Уку, которая, в свою очередь, впадает в Карагинский залив на севере Камчатки. Но в том же году эти казаки по приказанию М. З. Многогрешного перебрались на р. Камчатку и укинские зимовья были заброшены[1152]. В последующие годы они не упоминались.

Большерецкий острог. 1704 год.

По поводу основания этого острога также нет ясности. Называемый в ряде работ 1700 г. как год его основания Т. Кобелевым[1153] не соответствует действительности, поскольку, как указывалось выше, Кобелев прибыл на Камчатку только в 1702 г. С. П. Крашенинников сообщал, что острог был заложен другим приказчиком, М. З. Многогрешным, который правил на Камчатке в 1703–1704 гг. Причем в «Описании земли Камчатки» он прямо указал, что «Михайло Зиновьев... во время бытности своей... на Большой реке острог построил...»[1154], а в написанной ранее работе «О завоевании Камчатской земли, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служивых людей» дал несколько иную версию: «прикащик Черкашенин августа 6 дня отправил служивых 15 человек на Большую реку к служивому Данилу Беляеву, он же Имикыз, которой на Большой реке от ясашных зборщиков остался и живет там своевольно, и велел оным служивым на Большой реке острог построить... которые, пришед на Большую реку, той же осени ясашную и казенный анбар и зимовья построили»[1155]. Точная датировка постройки острога наводит на мысль, что Крашенинников при написании данного эпизода использовал сохранившиеся к его времени в камчатских острогах архивные документы.

Вместе с тем конкретизация Крашенинниковым обстоятельств постройки Большерецкого острога заставляет обозначить две проблемы. Во-первых, если на р. Большой уже проживал «своевольно» некий Данила Беляев (вероятно, крещенный иноземец Имикыз), то не имелось ли там к приходу посланцев Многогрешного какое-то зимовье, поставленное прежде ясачными сборщиками. Во-вторых, сам Многогрешный, отправив «строителей» на Большую реку, в том же августе 1704 г. уехал с Камчатки. К моменту его отъезда острог еще не был возведен. Об этом свидетельствует не только сообщение Крашенинникова об окончании постройки осенью 1704 г., но и тот факт, что уезжая с Камчатки Многогрешный оставил временных управителей – закащиков в Верхнекамчатском и Нижнекамчатском острогах. В Большерецкий же он никого не послал, поскольку того еще не существовало[1156]. Соответственно, получается, что Многогрешного можно считать только инициатором строительства Большерецкого острога, но не его основателем. При этом точное местоположение первого поселения неизвестно, по некоторым сведениям, он был поставлен на р. Большой в 50 верстах от ее устья[1157].

К сожалению, такие известные историки Камчатки, как И. И. Огрызко, Б. П. Полевой и Е. П. Орлова, невнимательно в данном вопросе прочитывая Крашенинникова, но, ссылаясь на него, датой основания Большерецкого острога считали 1703 г.[1158]. причем Огрызко и Орлова его основателем назвали М. З. Многогрешного[1159]. Более острожно высказывалась Г. А. Леонтьева, отнеся строительство к 1703–1704 гг., но все равно в период управления Камчаткой Многогрешным[1160].

Совершенно ошибочным является отнесение строительства Большерецка к 1705–1706 гг., как это дано в работах А. С. Сгибнева, А. И. Алексеева и Ф. Г. Сафронова[1161]. Два последних ссылались на первого, но откуда тот взял эту дату, неизвестно. Вероятно, его ввела в заблуждение грамота Сибирского приказа от 9 марта 1709 г. о производстве бывшего в 1704–1706 гг. камчатским приказчиком В. М. Колесова в дворяне по московскому списку, в которой, на основании челобитной самого Колесова, сообщалось, что он «на Большой реке построил зимовье для ясашного збору»[1162]. Почему же сам Колесов приписал себе строительство Большерецкого зимовья, можно только догадываться. Скорее всего, он, ради преувеличения своих заслуг, «строительством» назвал реконструкцию (ремонт) уже бывшего на Большой реке зимовья.

В 1707 г. Большерецкий острог подвергся нападению ительменов и был ими сожжен[1163]. Его восстановил в конце апреля – начале мая 1711 г. Д. Анциферов, возглавлявший отряд взбунтовавшихся камчатских казаков[1164]. На этот раз, согласно данным Крашенинникова, укрепление было воздвигнуто ниже по реке от прежнего сожженного острога, на месте разбитого казаками ительменского Кушугина острожка, на правой (северной) стороне р. Большой между впадающими в нее речками Быстрой и Гольцовкой, в 33 верстах от моря[1165]. По данным Г. В. Стеллера, острог стоял «на северном берегу Большой реки, там, где последняя, разветвляясь на рукава, образует ряд больших островов»[1166]. Казаки поставили «острог землей, в нем ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой»[1167]. Судя по этому скупому описанию, укрепления представляли собой земляной вал, по гребню которого был вкопан частокол (так называемый «земляной город»[1168]). Не исключено, что при строительстве казаки частично использовали укрепления Кушугина острожка.

20–21 мая 1711 г. только что построенный острог успешно выдержал осаду ительменов. А в 1715 г. временно исполняющий обязанности камчатского приказчика И. Козыревский перестроил укрепления, поставив

бревенчатый тын[1169]. В 1723 г., согласно «росписному списку», Большерецк выглядел следующим образом: «острог деревянный, стоячей тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казенка, в которой аманатов 5; две медные пушки, казаков 40 человек»[1170]. В. Беринг в 1727 г. насчитал «при оном остроге русского жилья 14 дворов»[1171].

Архангельский олюторский острог. 1708–1714 годы

По поводу постройки этого острога в исторической литературе сложилось мнение, во многом не соответствующее действительности. Во-первых, при фиксации местоположения острога или просто ограничивались указанием на р. Олютору, или относили его к устью этой реки. Во-вторых, считали, что острог был построен на месте корякского острожка – так называемого Большого посада. В-третьих, как правило, не поясняли, о какой р. Олюторе идет речь. Только И. С. Вдовин сделал ее привязку к современной р. Вывенке[1172]. Идентификация же р. Олюторы является чрезвычайно важной, поскольку на современных картах вообще нет реки с таким названием, а в документах XVIII в. кроме р. Олюторы встречается еще р. Олюторка (Алюторка). Соответственно, возникает вопрос: где именно, исходя из современной топонимики и гидронимики, можно локализовать местоположение указанного острога?

Для начала определимся с р. Олюторой. Документы и картографические материалы конца XVII–XVIII вв. свидетельствуют о том, что так называлась р. Вывенка (иногда Ынпываям), впадающая в залив Корфа (в те времена – Олюторскую губу)[1173]. Иногда она именовалась также Олюторкой (Алюторкой), а по-корякски, если верить С. П. Крашенинникову, звалась Уйулен[1174]. С начала XVIII в. р. Олютора (Вывенка) стала играть важную роль в русском продвижении на Камчатку. По ней пролегал один из маршрутов, связывающий полуостров с Анадырским острогом. Русские отряды из Анадырска выходили на р. Пенжину, откуда переходили в верховья р. Олюторы и спускались по ней до моря, затем вдоль побережья следовали до устья р. Камчатки. Соответственно, с полуострова до Анадырска добирались в обратном направлении[1175]. На этом пути отряды служилых и промышленных людей неоднократно подвергались нападению коряков-алюторов.

Необходимость обезопасить путь и подчинить «немирных» алюторов привела русские власти к мысли о постройке на р. Олюторе острога. Первое указание о его возведении последовало от якутских властей в 1708 г., когда анадырскому приказчику Е. Петрову было предписано совершить поход на алюторов и присмотреть на их «землице» место под строительство острога[1176]. В последующем аналогичные указания вплоть до 1714 г. получал каждый новый анадырский приказчик. Речь шла об укреплении, поскольку небольшие русские зимовья на р. Олюторе, видимо, уже существовали. Об этом позволяют судить чертежи, составленные в начале XVIII в. и вошедшие в «Чертежную книгу» С. У Ремезова. На двух из них (по определению А. В. Ефимова – «Чертеже земли Иакуцкого города» и Чертеже земли Якутского города с «доездом») обозначена р. «Лютора», на которой отмечены русские промысловые зимовья – «зимовье звериных соболиных и лисьих промыслов»[1177].

Первое русское укрепление на р. Олюторе удалось поставить бывшему камчатскому приказчику В. Савостьянову (Щепеткому). Он, по данным А. С. Сгибнева, выйдя в июле 1712 г. на судах из устья р. Камчатки, морем доплыл до р. Олюторы и поднявшись по ней на какое-то расстояние вверх, «построил зимовье, огородив его валом». Дождавшись подкрепления из Анадырска, Савостьянов 9 января 1713 г. покинул зимовье, и оно на время запустело[1178].

В 1714 г. из Анадырского острога состоялся большой поход против алюторов, в результате которого было разгромлено их самое крупное укрепление, прозванное русскими Большим посадом. Его точное местоположение определить трудно. На чертежах, вошедших в чертежные книги Ремезова, он локализовался в разных местах: у устья р. Олюторы, в ее среднем течении, ближе к верховьям и даже южнее или севернее самой реки[1179]. Участники похода, Василий Атаманов и Иван Львов, утверждали, что Большой посад располагался в 20 верстах к северу от устья р. Олюторы на берегу моря[1180]. Их информация, как очевидцев, заслуживает наибольшего доверия. В любом случае, Большой посад не находился на берегу реки, поскольку такое его местоположение препятствовало бы использованию р. Олюторы в качестве маршрута движения русских отрядов.

Уничтожив Большой посад, казаки под руководством анадырского приказчика А. Петрова поставили собственный острог. Но Петров, сообщая в своей отписке от 31 октября 1714 г. в Анадырск о строительстве острога, по какой-то причине не указал его географических ориентиров[1181]. Именно это обстоятельство и привело к тому, что в исторической литературе возникла путаница с определением местоположения острога и даже возникла версия, что он был поставлен на месте Большого посада (хотя отписка Петрова не дает никаких оснований для такого предположения). При этом исследователи, интересовавшиеся данным сюжетом, не обратили внимание на указание, сделанное Крашенинниковым на то, что русский Олюторский острог «строен» был «якуцким сыном боярским Афанасьем Петровым на южном ее [р. Олюторы] берегу немного повыше устья впадающей в Олютору с полуденной [южной] стороны Калкиной речки»[1182]. Имеется также «Карта земли Камчатки с около лежащими местами», составленная в 1750 г. на основании сведений Крашенинникова и опубликованная первый раз в издании его книги в 1755 г.[1183]. На ней острог изображен как раз с правой (южной) стороны р. Олюторы и с левой (северной) стороны р. Калкиной близ ее устья. Причем изображен именно тот острог, который был построен в 1714 г., поскольку во время пребывания самого Крашенинникова на Камчатке (в конце 1730 – начале 1740-х гг.) в районе р. Олюторы вообще не существовало никаких русских острогов.

Еще большую ясность в вопрос внесли обнаруженные и опубликованные А. Х. Элртом воспоминания участников похода на олюторов и строительства острога упоминавшихся служилых людей В. Атаманова и И. Львова, записанные в 1737 г. в Якутске Г.Ф. Миллером. Согласно им, русский острог стал возводиться осенью 1714 г. примерно в 2–2,5 днях пути на «больших судах» от устья р. Олюторы вверх по ее течению. Он был поставлен на южном берегу р. Олюторы чуть выше устья маленькой речки Калкиной, впадающей в Олютору с юга. В недели пути от Калкиной вверх по Олюторе с северной стороны в нее впадала речка Глотова, от которой «уже недалеко до олюторских вершин». От построенного острога до Большого посада по прямой насчитывалось примерно 80 верст[1184]. Как видим, эти сведения о местоположении острога согласуются с данными Крашенинникова. Но, к сожалению, те и другие совершенно невозможно привязать к современной гидронимике, поскольку как с юга, так и с севера в р. Олютору (Вывенку) впадает большое количество рек и речек, и определить, какие из них в XVIII в. именовались Калкиной и Глотовой, не возможно. Безусловно только то, что русский острог был возведен не на берегу моря в устье р. Олюторы и не на месте Большого посада, а в нескольких десятках километрах вверх по реке (современной р. Вывенки), там, где она теряла свою судоходность.

Место под острог было выбрано с учетом наличия строевого материала. Оказывается, от р. Калкиной вверх по Олюторе начинался тальник, а еще далее, в двух-трех днях пути – топольник и осинник. Ниже же острога по течению Олюторы не было никакого леса, пригодного для строительства. Петров сообщал, что поставил «острог деревянной с острожными крепостями и ясачную». Атаманов позднее уточнил, что острог возводился второпях, его стены были сооружены из близ растущего «тальника толщиной примерно в руку», а внутри острога поставлено несколько юрт, засыпанных землей. И только в следующем, 1715 г., планировали «построить острог вновь из тальника и осинника и лес для этого сплавить сверху по высокой весенней воде».

На месте возводимого острога, по сведениям Львова, уже раньше «обычно строились суда, направлявшиеся на Камчатку, и приставали суда с Камчатки, так как дальше вверх по Олюторе они не могли пройти из-за мелководья и быстрого течения». Об этом же писал и Петров: «на Олюторской реке, в пристойном месте, усмотря приход судами из камчадалских острогов с камчатскою великого государя казною, построил он, Афанасей, со служилыми людьми острог». Данное обстоятельство наталкивает на мысль, что острог был построен на месте упоминавшегося зимовья Савостьянова. Прямых доказательств этого нет, однако, вполне резонно предположить, что последний в 1708 г. поднялся вверх на судах по реке насколько это было возможно, т. е. до начала мелководья и зарослей тальника. Вероятно, основанное им укрепление в последующем использовалось русскими как перевалочная база на пути из Анадырска на Камчатку, здесь строились суда для плавания из р. Олюторы к р. Камчатке. На зимовье Савостьянова как возможное место строительства острога указывает и наказ, данный в 1714 г. анадырскому приказчику капитану П. Татарину, с предписанием построить в Олюторской земле вместо земляного острожка большой деревянный острог[1185]. К этому времени в Олюторской земле мог быть только один «земляной острожек» – тот, который был построен Савостьяновым. Но все это не более, чем предположение, поскольку ни в одном известном источнике (отписках А. Петрова, воспоминаниях Атаманова и Львова, работе Крашенинникова) савостьяновский острожек не упоминается.

Атаманов и Львов в своих воспоминаниях сообщили, что новый острог был назван Архангельским. Однако встречается и другое его наименование – Новоархангельский. Последнее мы находим на карте, изображающей бассейн р. Анадырь и ближайшие к нему побережья Чукотского и Берингова морей[1186]. Датировка и авторство этой карты до сих пор окончательно не выяснены. А. В. Ефимов, нашедший карту, приписал ее Ивану Львову и датировал сначала 1710, затем 1711–1714 гг. Свою датировку он основывал на том, что Львов с 1710 по 1714 г. был якобы «приказчиком или одним из приказчиков Анадырского острога», а в 1736 г. в Якутске передал карту Г. Ф. Миллеру[1187]. С. Е. Фель оспорил это мнение, отрицая авторство Львова и утверждая, что карта была составлена неизвестным лицом до 1700 г. Львов же только снял с нее копию, которую и вручил Миллеру[1188]. М. И. Белов еще более удревил карту, полагая, что в ее основу мог быть положен чертеж Курбата Иванова, служившего в 1659–1663 гг. приказчиком Анадырского острога и совершившего в 1660 г. плавание из Анадырска вдоль Чукотского полуострова до залива Креста[1189]. Точку зрения Белова поддержали И. П. и В. И. Магидовичи[1190].

Этот спор позволяют разрешить приведенные нами сведения о строительстве Архангельского (или Новоархангельского) острога на р. Олюторе. Благодаря им становится совершенно очевидно, что раз острог был построен в 1714 г., то карта с его изображением не могла появиться раньше. Правда, не понятно, насколько позже указанной даты она была нарисована, пока не попала в руки Миллера, причем не в 1736 г., а не ранее весны 1737 г., как уточнил А. Х. Элерт[1191]. Автором же ее вполне мог быть И. Львов, служивший в начале 1710-х гг. в Анадырске (но не в качестве приказчика), участвовавший в 1714 г. в походе на р. Олютору и строительстве там острога, а в 1737 г. рассказывавший об этом «отцу сибирской историографии».

(Ново)архангельский острог просуществовал весьма недолгое время. В феврале 1715 г. он был осажден олюторскими, акланскими и пенжинскими коряками и после пятимесячной осады, 3 июля, покинут гарнизоном. Вскоре он был сожжен алюторами. Повторная попытка русских обосноваться на р. Олюторе и основать там новый острог, но уже в другом месте, относится к началу 1730-х гг.

Пенжинский острог. 1709 год

Остроги и зимовья на р. Пенжине зафиксированы на чертежах конца XVII – начала XVIII вв., составленных и собранных С. У. Ремезовым[1192]. Однако сложно судить, во-первых, кому именно они принадлежали – русским или корякам, во-вторых, насколько они соотносятся с упоминавшимися выше Чендонскими зимовьями (поскольку Пенжина иногда звалась Чендоном). Первый же точно русский острог, который можно локализовать хронологически и территориально, появился на Пенжине в конце первого десятилетия XVIII в.

Указом 12 марта 1708 г. из Якутской воеводской канцелярии анадырскому приказчику Ефиму Петрову было велено «для удобного из Анадырского острогу к камчадальским острогам пути» «подле Акланского острожку мирных коряк, высмотря удобного места к пристанищу судами водяного пути на Пенжинское море, и к рыбным промыслам для питания» построить «острог со всякою крепостию, а в том остроге построить ясачную и аманацкую и служилым людям избу, и казенной анбар для поклажи сборной великого государя ясачной казны»[1193]. Петров выполнил указ, и в 1709 г. на р. Пенжине появился острог «лежачей, рублен в лапу, кругом его 60 сажень, высота полтретья сажени печатных, да в стене острожной изба ясашная с казенкою аманацкою, мерою в четыре сажени; против тое избы изба мерою в 3 сажени, для приезде приказчиков и житья служилым людям, для поклажи великого государя казны анбар»[1194].

Сам Петров, как ни странно, не сообщил в своих отписках местоположение «новопостроенного» острога. В результате некоторые историки посчитали, что он точно выполнил предписание указа и поставил острог в 1708 г. рядом с острожком акланских коряков, «на острове между рекой Пензинской и Акланской в самой стрелке», а сам острог якобы стал называться Акланским[1195].

На самом деле острог был возведен почти на 100 км выше по р. Пенжине. Об этом совершенно определенно свидетельствует записанное в 1737 г. Г. Ф. Миллером воспоминание одного из бывших анадырских казаков В. Атаманова. Последний поведал, что Е. Петров, получив в Анадырске указ о строительстве острога на р. Пенжине, послал для выполнения этой миссии самого Атаманова с 40 чел.: «Острог был построен осенью 1709 г. приблизительно в 10 верстах ниже устья р. Черной на острове. В 20 верстах отсюда вниз по течению с этой

восточной стороны в Пенжину впадает речка Слаутная». Строительство острога именно в этом месте, а не ближе к Аклану или устью Пенжины Атаманов объяснил тем, что только в 20–30 верстах выше устья Аклана по Пенжине начинается лес, пригодный для строительства. И «Пенжинский острог был построен из топольника и осинника с четырехугольным заплотом и 4-мя зимовьями в нем»[1196].

Пенжинский острог упоминается в источниках в 1710 г.[1197] и 1712 г.[1198].

Акланский острог

Основан был, по мнению ряда историков, на р. Пенжине. Однако место и время его возникновения варьируются в работах разных авторов. Одни утверждали, что он возник в 1679 г. на р. Хаяхале, впадающей в Пенжину[1199]. Другие, соглашаясь с этой датой, фиксировали его месторасположение на р. Аклан[1200]. Третьи называли 1690 г. и место строительства в 20 милях от устья Аклана[1201]. Четвертые писали более неопределенно: в конце XVII в. на берегу р. Пенжины[1202]. В «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова то ли по ошибке автора, то ли в результате «опечатки» фигурирует 1787 г. как дата основания Акланского острога[1203].

При этом важно заметить, что говоря о возникновении русского Акланского острога в конце XVII в., ни один из исследователей не привел ссылки на источник. В результате возникает вполне законное сомнение: а был ли он вообще построен в это время? Дело в том, что ни в одном из введенных в научный оборот архивных документов не упоминается русский острог в районе р. Аклан. Зато для конца XVII – первой четверти XVIII вв. хорошо известен корякский Акланский острожек, который стоял примерно на полпути между устьями рек Аклана и Пенжины[1204]. И как раз этот корякский острожек некоторые исследователи, невнимательно прочитывая источники, относили к числу русских острогов[1205]. Кроме того, русский якобы Акланский острог исследователи путали с каким-то другим русским острогом (или зимовьем), воздвигнутым на р. Пенжине, например, с Чендонским зимовьем, появившемся в 1670-х гг. на устье р. Часовишной.

В целом знакомство с источниками и событиями второй половины XVII – начала XVIII вв. приводит к мысли, что никакого русского Акланского острога в это время не существовало.

Авачинское зимовье

Зимовье на р. Аваче упоминается в 1725 г.[1206].

Приказчики камчатских острогов в 1700–1730 годы

1702–1703 годы. Сын боярский Тимофей Родионович (?) Кобелев. Назначен в Якутске в 1700 г. На Камчатке появился не ранее 1702 г., поскольку именно с этого времени отмечен первый сбор им ясака с ительменов. Убыл в конце 1703 или в начале 1704 г., оставив в Верхнекамчатском остроге заказчиком Семена Ломаева.

Казачий голова Владимир Владимирович Атласов. Назначен в 1700 г. в Москве, но до Камчатки не доехал, так как был арестован в Якутске за ограбление на р. Ангаре купеческих судов.

1703–1704 годы. Десятник Михаил Зиновьевич Многогрешный (Черкашенин) (в источниках и литературе иногда фигурирует под фамилией Зиновьев). Назначен в Якутске в 1702 г. По утверждению С. П. Крашенинникова, «бывал на Камчатке, как в отписке из Якутска объявлено, еще прежде Атласова, может быть с Морозкою». Прибыл на Камчатку в 1703 г., выехал в августе 1704 г., оставив в Верхнекамчатском остроге заказчиком С. Ломаева, в Нижнекамчатском – Ивана Поливанова.

1704–1706 годы. Пятидесятник Василий Михайлович Колесов. Послан в 1703 г. из Якутска. Прибыл 25 сентября 1704 г., сидел «на приказе» до апреля 1706 г. Отбыл в мае 1706 г., оставив заказчиком в Верхнекамчатске Федора Анкудинова, в Нижнекамчатске – Федора Ярыгина, в Большерецке – Дмитрия Ярыгина. Позднее, уже с дороги, из Акланского острожка, отправил казака С. Ломаева, «которому и яsak приказал собирать во всех трех камчатских острогах». Ломаев исполнял обязанности камчатского приказчика до прибытия В. Атласова в 1707 г.

Сын боярский Федор Протопопов (Верхотуров). Назначен в 1704 г., но на Камчатку не прибыл, так как по дороге в устье р. Тымлат весной 1705 г. был убит коряками-алюторами.

Василий Шелковников. Как и предыдущий, был убит коряками-алюторами в 1705 г.

1707–1709 годы. Казачий голова Владимир Владимирович Атласов. Назначен в 1706 г. Прибыл в Верхнекамчатск в июле 1707 г. В декабре того же года отстранен от власти казачьим кругом, а в ночь на 1 февраля 1711 г. убит в Нижнекамчатске казаками Алексеем Постниковым, Григорием Шибановым и Андреем Петровых.

После отстранения Атласова от власти «выборными» приказчиками в острогах стали казаки: в Верхнекамчатском – С. Ломаев, в Нижнекамчатском – Ф. Ярыгин. В Большерецком остроге до 1711 г. приказчиков не было, поскольку сам острог в 1707 г. был сожжен восставшими ительменами.

1709–1710 годы. Сын боярский Петр Чириков. Назначен в 1707 или в начале 1708 г. Прибыл на Камчатку в октябре 1709 г. В августе или сентябре 1710 г. сдал дела новому приказчику О. Миронову. 20 марта 1711 г. убит казаками в Верхнекамчатском остроге: «связав ему руки назад, и наложив на ноги кандалы, бросили его в воду, и в воде кольями убили до смерти».

Сын боярский Иван Панютин. Назначен в 1708 г. Погиб в бою с коряками-алюторами 20 июля 1709 г., не добравшись до Камчатки.

1710–1711 годы. Пятидесятник Осип Миронов (Липин). Назначен в 1709 г. Прибыл на Камчатку в августе или сентябре 1710 г. 29 января 1711 г. убит восставшими казаками по дороге из Нижнекамчатского в Верхнекамчатский острог. Готовясь к отъезду с Камчатки, назначил заказчиками: Верхнекамчатского острога – Алексея Александрова (Пещеру), Нижнекамчатского – Козьму Марманского.

После убийства «государевых» приказчиков казаки оставили на приказах: в Нижнекамчатском – К. Марманского, в Верхнекамчатском – А. Александрова (Пещеру). В восстановленном Большерецком остроге на «приказ» сел выбранный восставшими казаками в атаманы Данила Яковлевич Анциферов, а после его гибели от рук ительменов (в феврале 1712 г.) – Иван Петрович Козыревский.

1711–1712 годы. Десятник Василий Савостьянович Щепетной (Щепеткой). Назначен в 1710 г. Прибыл летом 1711 г., приняв остроги у «выборных» приказчиков. Затем назначил заказчиками: в Верхнекамчатский острог – С. Ламаева, в Нижнекамчатский – К. Марманского (последний умер 9 апреля 1712 г.), в Большерецкий – Федора Шелковникова. При отъезде в Якутск 8 июля 1712 г. оставил заказчиками в Верхнекамчатске Константина Кыргызова[ххvi], в Нижнекамчатске – Ф. Ярыгина.

Вскоре после этого К. Кыргызов «скопом и заговором» захватил Нижнекамчатский острог, посадил под арест Ф. Ярыгина, принудив его сдать дела казаку Богдану Ивановичу Канашеву. После прибытия на Камчатку нового приказчика В. Колесова Кыргызов отказывался сдать ему Верхнекамчатский острог, удерживая его до марта 1713 г., когда был схвачен и сдан Колесову своими бывшими «подельниками», решившимися принести повинную. По итогам следствия был казнен по приказанию В. Колесова.

1712–1713 годы. Дворянин московского списка Василий Михайлович Колесов. Назначен в 1711 г. Ему в «товарищи» определили его сына сотника Степана Васильевича Колесова. Прибыл в Нижнекамчатский острог 10 сентября 1712 г., где принял дела от Б. И. Канашева. Начал расследование убийства приказчиков и «воровства» К. Кыргызова. Выехал с Камчатки в июне 1714 г. вместе с И. Енисейским. Убит в феврале 1715 г. в Акланском острожке акланскими коряками. При нем приказчиком в Большерецком остроге в 1713 г. сидел служилый Петр Неворотов.

1713–1714 годы. Якутский дворянин Иван Енисейский. Послан из Якутска в 1712 г. Прибыл на Камчатку в августе 1713 г., убыл в июне 1714 г. Убит в феврале 1715 г. в Акланском острожке акланскими коряками. Уезжая, оставил приказчиком камчатских острогов И. П. Козыревского, который правил до 1715 г.

Известно, что при Козыревском в Большерецком остроге приказчиками (заказчиками) ясачной избы сидели сначала Михаил Козыревский (июль 1714 г.), затем Василий Полуехтов (декабрь 1715 г.), а в Верхнекамчатском – Кирилл Бекирев.

1714–1718 годы. Драгунский капитан Петр Иванович Татаринов. Назначен сибирским губернатором М. П. Гагариным в Тобольске 17 февраля 1713 г. с предписанием ехать на Камчатку и ведать не только Камчаткой, но и Анадырским острогом. Однако, прибыв 26 или 27 апреля 1714 г. в Анадырск, Татаринов там и остался. Управляя Анадырско-Камчатским краем до 1718 г., назначал на Камчатку приказчиков. Выехал из Анадырска после 1721 г.

1715–1716 годы. Пятидесятник Алексей Петриловский. Его в качестве приказчика послал из Анадырска на Камчатку в 1714 г. П. Татаринов. Прибыв в Нижнекамчатский острог 9 июля 1715 г. [ххvii], принял дела от И. Козыревского. Превзошел своих предшественников-приказчиков в лихоимствах и злоупотреблениях (одного казака даже замучил вилами до смерти). В результате в конце лета 1716 г. был смещен казаками и посажен под арест. В 1720 г., оставаясь под арестом, был вывезен с Камчатки и отдан под суд в Якутске. Вместо Петриловского казаки выбрали приказчиком Нижнекамчатского острога якутского посадского человека Козьму Вежливцова.

1716– ? годы. Служилый Григорий Камкин. Прислан из Анадырска Татариновым. Принял дела от К. Вежливцова и сел «на приказ» в Нижнекамчатске. Как долго управлял камчатскими острогами, неизвестно. Зато по документам прослеживается, что в это время в других острогах при ясачных избах были собственные приказчики (заказчики), которые то ли назначались из Нижнекамчатска, то ли выбирались самими казаками: в Верхнекамчатске – Степан Козлов (январь 1716 г.), Кирилл Бекирев (январь 1717 г.), затем Козьма Леспивцов и Григорий Кошкин; в Большерецке – Иван Травинин (июль, сентябрь 1716 г.). В марте 1718 г. в Нижнекамчатском остроге «на приказе» вновь сидели «выборные судейки» К. Вежливцов и Алексей Колычев.

1718 год. Служилый Григорий Суровцов. Назначен Татариновым. Прибыл в Нижнекамчатск в июне 1718 г.

В 1718 г. в Якутске впервые были назначены на Камчатку три приказчика – И. Уваровский, И. Поротов и В. Качанов: первый в Нижнекамчатск, второй – в Верхнекамчатск, третий – в Большерецк. Из них Качанов был определен главным.

1718–1719/20 годы. Сотник Иван Уваровский. Прибыл в Нижнекамчатск в октябре 1718 г., приняв острог от Г. Суровцова. По одним сведениям, отбыл с Камчатки в июне или июле 1719 г., по другим, находился на полуострове еще и в 1720 г.

1718– ? годы. Сын боярский Иван Поротов. Сидел «на приказе» в Большерецке.

1718–1719 годы. Сын боярский Василий (Евфимий?) Качанов. Прибыв в 1718 г., в апреле 1719 г. был лишен власти взбунтовавшимися казаками и посажен в тюрьму. В августе 1719 г. бежал в Нижнекамчатск, откуда в июне 1720 г. отправился в Якутск. Вместо Качанова казаки в мае 1719 г. выбрали «на приказ» Григория Попова. Одновременно, в апреле того же года, Большерецкую ясачную избу принял сын боярский Назар Колесов. Позднее, в июле 1719 г., приказчиком Большерецкой ясачной избы числился Иван Шапошников. Но оба они не были назначены официально.

1719–1720 годы. Сын боярский Иван Харитонов [ххviii]. Назначен приказчиком всех камчатских острогов. Прибыл 1 сентября 1719 г., избрав «штаб-квартирой» Верхнекамчатский острог. Убит коряками в марте 1720 г. на р. Палане.

1720–1721 годы. Дети боярские Алексей Еремеевич Шестаков и Степан Бобровский [ххix]. Оба назначены в 1720 г.: первый — в Нижнекамчатск, второй — в Верхнекамчатск и Большерецк. В помощь Бобровскому придали сына боярского Михаила Петрова. В августе 1720 г. они прибыли к месту назначения. В конце 1720 или начале 1721 г. Шестаков был отстранен от власти прибывшим на Камчатку геодезистом И. М. Евреиновым, и в 1721 г. выехал в Якутск. Бобровский выехал с Камчатки в июле 1723 г., умер по дороге в Якутске на р. Урак в 1723 г.

1722–1723 годы. Дворянин Никита Лосев. Назначен в 1722 г. приказчиком всех острогов. 14 октября 1722 г. принял от С. Бобровского Верхнекамчатский острог, который сделал «столицей» Камчатки. Уезжая, оставил временных управителей: в Нижнекамчатске – Матвея Нифонтьева, в Большерецке – Артемия Попова, в Верхнекамчатске – Петра Баранова. С Камчатки отплыл 1 июля 1723 г. вместе с С. Бобровским. Умер в Охотске в июле 1723 г.

1723–1724 годы. Сын боярский Федор Иванович Шелковников. Назначен в качестве комиссара в 1723 г., прибыл в сентябре того же года. Обосновался в Нижнекамчатском остроге, приняв там дела у М. Нифонтьева. В Большерецкий острог на смену А. Попову отправил Ивана Федоровича Эверстова, в Верхнекамчатский на смену П. Баранова – Безсонова. Выезжая с Камчатки, оставил на приказе в Нижнекамчатске Елисея Долгополова, в Верхнекамчатске – М. Нифонтьева, в Большерецке – Петра Чупрова. Прибыл в Охотск 24 июня 1724 г.

1724–1725 годы. Сын боярский Андрей Жирков. Назначен комиссаром всех острогов в 1724 г. Ему в помощники определен сын боярский Афанасий Жирков, видимо, близкий родственник. Оба прибыли в октябре 1724 г., и вскоре Андрей скончался. Обязанности комиссара стал выполнять Афанасий Жирков. Последний при отбытии летом 1725 г. с Камчатки оставил заказчиками: в Нижнекамчатске – Артемия Кочетова, в Верхнекамчатске – П. Чупрова, в Большерецке – Василия Пашкова.

1725–1727 годы. Дворянин Степан Трифанов. Назначен в 1725 г. комиссаром. В «товарищи» (помощники) к нему был приставлен сын боярский Петр Осипович Корякин. Оба прибыли поздней осенью 1725 г. Известно, что после их отъезда в Нижнекамчатском остроге управлял Петр Бобров, а в Верхнекамчатском – П. Чупров.

1727–1728 годы. Пятидесятник Иван Тарабукин. Назначен комиссаром в 1726 г. Прибыл в октябре 1727 г., приняв под команду все остроги. Отбыл, вероятно, в 1728 г., оставив временными управляющими (заказчиками): в Большерецке – Ивана Остафьева, в Верхнекамчатске – Семена Хмылева, в Нижнекамчатске – Гаврилу Чудинова.

1728–1729 годы. Сын боярский Михаил Петров. Назначен в 1727 г. При нем «подчиненным комиссаром» был служилый Петр Петров. Оба прибыли 2 сентября 1728 г. в Большерецк, приняв остроги от временных управляющих. М. Петров расположился в Нижнекамчатске, а П. Петров – в Верхнекамчатске. Управление Большерецком было поручено Шапошникову. При отъезде обоих Петровых остроги были переданы в 1729 г. заказчикам: Нижнекамчатский 26 мая – Г. Чудинову, Верхнекамчатский 11 июля – Михаилу Сапожникову, Большерецкий 16 июля – Степану Петрову.

1729–1730 годы. Иван Новгородов. Прибыл комиссаром в 1729 г. При нем заказчиком в Большерецке был Иван Герасимов. 1 января 1731 г. у Новгородова приняли дела в Нижнекамчатском – служилый Михаил Шехурдин, в Верхнекамчатском – Иван Уваровский (у него в июне 1731 г. принял острог казак Василий Пашков), в Большерецком – Кузьма Олесов. Новгородов, Уваровский и Шехурдин выехали с Камчатки в 1731 г.

Составлено по данным: РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 481, ч. 7, л. 173об. – 177, 178об., 179, 180–183; № 527, д. 12, л. 1, 2, 2об., 4об., 6об., 7, 16–17, 19, 20об., 23, 24об., 27об., 32–33, 34; ПСИ. СПб., 1882. Кн. 1. С. 406, 410–411, 417, 422, 424, 434, 450–453, 467, 473, 474, 477, 480–482, 495, 499, 500, 502, 503, 508–509, 513, 529, 530, 535, 536, 539, 541; ПСИ. СПб., 1885. Кн. 2. С. 43, 120, 121, 252, 254, 257, 268, 271, 272; Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 476–478, 480–491, 741, 742, 744–748, 750, 751, 754–758, 760, 761; Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Морской сб., 1869, Т. 101. № 4. С. 76, 77, 80–90, 96–103, 105–109, 111, 112, 114–116; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 112, 138–140, 143–144, 147, 149, 150; Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 2. С. 68–120, 134, 136.

См. также упоминания о камчатских приказчиках в работах: КПЦКЧ. Л., 1935. С. 194; Спасский Г. Владимир Атласов, покоритель Камчатки (Эпизод из истории Камчатки) // Вестник ИРГО. СПб., 1858. Ч. 24. № 12. С. 169; Словоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 188; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 106, 113, 114; Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка

Якутской области на 1871 г. СПб., 1877. С. 160–163, 165, 166; Приклонский В. Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным. Красноярск, 1896. С. 31–33, 39, 41; Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели // Зап. Приамурск. отд. ИРГО. Хабаровск, 1899. Т. V. Вып. 1. С. 7–9, 12–14; История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 151–152; Огрызко И. И. Открытие Курильских островов // Учен. зап. ЛГУ. 1953. № 157. Сер. факультета народов Севера. Вып. 2. С. 185; Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971. С. 26; Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. М., 1984. Т. 3. С. 77–78; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 569.

КОММЕНТАРИИ

xxvi. У С. П. Крашенинникова Кыргызов назван Козыревым (Крашенинников С. П. Описание... С. 484, 485).
xxvii. В одном месте своей работы С. П. Крашенинников ошибочно указал, что Петриловский прибыл в мае 1714 г. (С. 744).
xxviii. У А. С. Сгибнева он ошибочно назван дворянином (Сгибнев А. Исторический очерк... С. 101–102).
xxix. У Б. О. Долгих – М. П. Бобровский (Долгих Б. О. Родовой и племенной состав... С. 571).

ПРИМЕЧАНИЯ

Вус В. Заветный край особой русской славы: Науч.-попул. очерк истории Охотска. Хабаровск, 1990. С. 13; Иванов В. Н. Вхождение Якутии в состав Российского государства // Якутия и Россия: 360 лет совместной жизни. Якутск, 1994. С. 11.
Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // Летопись Севера. М., 1957. Т. 2. С. 56; Алексеев А. И. Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958. С. 12.
По мнению П. А. Слоцова, в 6 верстах выше устья (Слоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 128).
Сгибнев А. С. Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сб. 1869. Т. 105. № 11. Неофициальный отд. С. 3; Вус В. Заветный край особой русской славы... С. 17–18; Алексеев А. И. Охотск – колыбель русского тихоокеанского флота. С. 16; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М., 1978. С. 21, 186; Он же. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988. С. 23; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 224. Некоторые историки XIX в. ошибочно считали, что зимовье было поставлено в 1648 г. (Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 74; Приклонский В. Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным. Красноярск, 1896. С. 6–7).
Приклонский В. Л. Летопись Якутского края... С. 6–7; Вус В. Заветный край особой русской славы... С. 18–19; Алексеев А. И. Охотск – колыбель русского тихоокеанского флота. С. 19; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 186; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 24; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 224.
Алексеев А. И. Охотск – колыбель русского тихоокеанского флота. С. 22–23; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 186; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 24; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 224.
Вус В. Заветный край особой русской славы... С. 21.
Степанов Н. Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 114; Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 27.
Садовников Д. Наши землепроходцы. Рассказы о заселении Сибири (1581–1712 гг.). М., 1905. С. 141; Якутия в XVII в. Якутск, 1953. С. 64.
ОРЗПМ. М., 1951. С. 304; Вус В. Заветный край особой русской славы... С. 22–23; Алексеев А. И. Охотск – колыбель русского тихоокеанского флота. С. 23; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 186; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 24; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 224; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов–первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 35.
Сгибнев А. С. Охотский порт... С. 4.

Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 186; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 24; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 224; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 35.

Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 186; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 24; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 224.

Ф. Г. Сафронов ошибся, когда утверждал, что в остроге было две башни: «одна высотой около двух саженей, другая – три с половиной» (Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 24). На самом деле из фразы «а башня в две сажени без двух четвертей, вышина башни полчетверти сажени печатных», учитывая контекст, следует, что была только одна башня и она имела размеры: по периметру – около 2 саженей, а в высоту – 3,5 сажени. Это подтверждается и описанием 1682 г., которое Ф. Г. Сафронов, к сожалению, не знал.

Ионин А. А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья). По неизданным метариалам Вост.-Сиб. отд. Имп. Русск. геогр. о-ва, а также другим архивным источникам // Изв. ВСО ИРГО. Иркутск, 1895. Т. XXVI. С. 196–197. А. И. Алексеев и Н. П. Крадин это описание ошибочно отнесли к 1649 г. (Крадин Н. П. Первые русские поселения на берегах Тихого океана // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 53; Алексеев А. И. Охотск – колыбель... С. 25).

Вус В. Заветный край... С. 24–25.

Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 186–187; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 24–25.

Вус В. Заветный край... С. 24–25; Алексеев А. И. Охотск – колыбель... С. 25; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 187; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 25.

Вус В. Заветный край... С. 32; Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. Магадан, 1984. С. 65. Экспедиция Беринга. М., 1941. С. 61; Слоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. С. 269; Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. С. 65; Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 25; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 225.

РГАДА, ф. 199, № 481, ч. 7, л. 232; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 187; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 25.

Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. С. 65.

Вдовин И. С. Анадырский острог // Краевед. записки. Магадан, 1959. Вып. 2. С. 20–27. См. также: Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 1. С. 79; Самойлов В. А. Семен Дежнев и его время. М., 1945. С. 71; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 82–83.

Никитин Н. И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1999. С. 97; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22.

Белов М. И. Семен Дежнев. М., 1955. С. 93.

Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 82–83.

Вдовин И. С. Анадырский острог. С. 23–24. Отписка опубликована: ОРЗПМ. С. 399.

ОРЗПМ. С. 400; Вдовин И. С. Анадырский острог. С. 24; Никитин Н. И. Землепроходец Семен Дежнев... С. 147; Белов М. И. Семен Дежнев. С. 97.

Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 58.

Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 19.

Вдовин И. С. Анадырский острог // Краевед. записки. Магадан, 1960. Вып. 3. С. 36; Он же. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 112.

Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 84.

Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Морской сб. 1869. Т. 101. № 4. С. 96; Вдовин И. С. Анадырский острог... Вып. 3. С. 39.

Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 82–83.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке в XVII–XVIII вв. М., 1964. № 47. С. 32.

Никитин Н. И. Землепроходец Семен Дежнев... С. 106; Бурькин А. А. Походы Михаила Стадухина и открытие Камчатки (http://www.zaimka.ru/to_sun/burykin1.shtml).

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 520; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М., 1982. С. 36; Вус В. Заветный край... С. 55; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 21; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 26, 51–52; Артемьев А. Р. Археологическое изучение памятников XVII – начала XVIII века на Дальнем Востоке // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1994. С. 43; Бурькин А. А. Походы Михаила Стадухина и открытие Камчатки.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав... С. 520; Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 51–52; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока... С. 36. ОРЗПМ. С. 37.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав... С. 520; Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. С. 85–87; Бурыкин А. А. Походы Михаила Стадухина... Вус В. Заветный край... С. 55; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 21; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 26, 51–52.

Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока... С. 36; Он же. Сыны отважные России. Магадан, 1970. С. 28; Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948. С. 51; Он же. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 96.

Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. С. 85–87. Бурыкин А. А. Походы Михаила Стадухина... ДАИ. СПб., 1847. Т. 2. С. 324–325. Там же, 1851. Т. 4. С. 121. ОРЗПМ. С. 266.

Крылов В. Материалы для истории камчатских церквей. Казань, 1909. С. 25. Сгибнев А. С. Охотский порт... С. 2–3; Словцов П. А. Историческое обозрение... С. 118.

Полевой Б. П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных // Сов. этнография. М., 1991. № 3; Он же. К истории первого выхода русских на Тихий океан: (Новое о «Росписи рек» И. Ю. Москвитина) // Изв. ВГО. Л., 1988. Т. 120. Вып. 3; Он же. Об ошибках в освещении похода И. Ю. Москвитина 1639–1641 гг. // Изв. ВГО. 1991. Т. 123. № 2.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав... С. 520; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 21. Материалы по истории Якутии XVII века. (Документы ясачного сбора). М., 1970. Ч. 3. С. 1028; Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения северного морского пути. М., 1956. Т. 1. С. 186; Он же. Новые данные о службах Владимира Атласова... С. 99. Атлас географических открытий... № 42. С. 27; № 44. С. 30; № 45. С. 31.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 154. ПСИ. СПб., 1885. Кн. 2. С. 515. Атлас географических открытий... № 50. С. 35; № 60. С. 41. РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 481, ч. 7, л. 232. Ф. Г. Сафронов был неправ, когда писал, что Тауйск в 1731 г. имел «острожные стены» (Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. С. 137–138). В «рописном списке» 1731 г., на который он ссылается, ничего не говорится о каких-либо укреплениях.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав... С. 412, 413. ДАИ. Т. 4. С. 147; Гурвич И. С. Этническая история... С. 50; Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. М., 1984. Т. 3. С. 72; Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 118; Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. С. 121; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 37. ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 176; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав... С. 412, 413; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 52; Артемьев А. Р. Археологическое изучение памятников... С. 43. Атлас географических открытий... № 48. С. 33. ПСИ. Кн. 2. С. 484. Атлас географических открытий... № 54. С. 38–39. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983. С. 169. Бурыкин А. А. Походы Михаила Стадухина... ДАИ. Т. 4. С. 121. ОРЗПМ. С. 266. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. С. 85. РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 539, ч. 1, д. 13, л. 1об. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен... С. 186. Атлас географических открытий... № 48. С. 33. Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. до 1800 г.). Якутск, 1916. Т. 1. С. 125–127. Исследователи постройку острога на р. Яме относят к 1739 г. (Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки... С. 152–153; Крылов В. Материалы для истории камчатских церквей. С. 26; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 213; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока... С. 36;

Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 29; Он же. Тихоокеанские окна России. С. 138). Однако есть свидетельство, что он был основан раньше, в 1735 г. (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 528, ч. 1, д. 19, л. 6).

Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 66; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 33.

Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 105.

Крашенинников С. П. Описание... С. 477; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 138. Г. А. Леонтьева, ссылаясь на указанную страницу из работы Крашенинникова, утверждала, что Кобелев не только перестроил Еловское зимовье, но и основал Нижнекамчатский острог. Однако, у Крашенинникова речь идет только о том, что Кобелев «вновь построил зимовье на реке Еловке». А. С. Сгибнев, Ф. Г. Сафронов, А. Р. Артемьев считали, что первое зимовье на Еловке основал Т. Кобелев, причем в 1700–1701 гг. (Сгибнев А. Исторический очерк... С. 77; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 52, 154; Артемьев А. Р. Археологическое изучение памятников... С. 44). В. И. Кочедамов, отдавая «лавры» Кобелеву, основание Нижнекамчатского острога относил к 1702 г. (Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. С. 33).

Крашенинников С. П. Описание... С. 750.

Там же. С. 477, 750 (в другом месте своей работы он указал, что острог был поставлен в двух верстах ниже устья Еловки (с. 740–741)); Сгибнев А. Исторический очерк... С. 77; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 139; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 154; Артемьев А. Р. Археологическое изучение памятников... С. 44.

Словцов П. А. Историческое обозрение... С. 188; Щеглов И. В. Хронологический перечень... С. 104; Приклонский В. Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным. Красноярск, 1896. С. 31. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII – начало XX веков). Л., 1973. С. 46; Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 120; Мартыненко В. П. Путешествие в страну Уйкоаль. Петропавловск-Камчатский, 1987. С. 11–12.

Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока... С. 36.

Стелов Е. Д. Акты архивов Якутской области... С. 24; Сгибнев А. Исторический очерк... С. 77; Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 133; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 154; Артемьев А. Р. Археологическое изучение памятников... С. 44.

ПСИ. Спб., 1882. Кн. 1. С. 549.

Там же. С. 550; Крашенинников С. П. Описание... С. 487; Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871. СПб., 1877. С. 165; Сгибнев А. Исторический очерк... С. 85.

Крашенинников С. П. Описание... С. 487–488; Огрызко И. И. Открытие Курильских островов // Уч. зап. ЛГУ. 1953. № 157. Сер. факультета народов Севера. Вып. 2. С. 185; Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели // Зап. Приамурск. отд. ИРГО. Хабаровск, 1899. Т. V. Вып. 1. С. 13; Громов П. В. Историко-статистическое описание камчатских церквей // Тр. Киевск. духовной академии. Киев, 1861. Т. 1. № 1. С. 36. В. П. Мартыненко ошибочно отнес строительство нового острога к 1712 г. (Мартыненко В. П. Путешествие в страну Уйкоаль. С. 11–12).

Крашенинников С. П. Описание... С. 756.

Атлас географических открытий... № 49. С. 34; № 50. С. 34; № 54. С. 38–39; № 60. С. 41.

Сгибнев А. Исторический очерк... С. 106.

Словцов П. А. Историческое обозрение... С. 269; Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 154.

Экспедиция Беринга. С. 63.

Сгибнев А. Исторический очерк... С. 110.

Скаска Владимира Атласова о путешествии на Камчатку // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 420.

Атлас географических открытий... № 48. С. 33; см. также: № 49. С. 34; Огрызко И. И. Очерки истории сближения... С. 46.

Крашенинников С. П. Описание... С. 750.

Там же. С. 476.

Словцов П. А. Историческое обозрение... С. 187; Сгибнев А. Исторический очерк... С. 71; Приклонский В. Л. Летопись Якутского края... С. 28; Дитмар К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Карла фон Дитмара. СПб., 1901. Ч. 1: Исторический отчет по путевым дневникам. С. 366 (он почему-то дату основания Атласовым острога отнес к 1703 г.); Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. С. 33; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 52, 152; Артемьев А. Р. Археологическое изучение памятников... С. 44.

Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 87.
Там же. С. 105.
Огрызко И. И. Очерки истории сближения... С. 46.
Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова... С. 104.
Крашенинников С. П. Описание... С. 750; Словцов П. А. Историческое обозрение... С. 188, 269; Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели... С. 7.
Крашенинников С. П. Описание... С. 476; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 52, 152; Артемьев А. Р. Археологическое изучение памятников... С. 44. РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 481, ч. 7, л. 173об.
Крашенинников С. П. Описание... С. 476; Словцов П. А. Историческое обозрение... С. 269; Сгибнев А. Исторический очерк... С. 77; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 52, 152; Артемьев А. Р. Археологическое изучение памятников... С. 44. В. И. Кочедамов, «запутавшись» в источниках, написал, что Т. Кобелев в 1702 г. перенес Верхнекамчатский острог «на ключи» (?) (Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. С. 33).
Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 120.
ПСИ. Кн. 1. С. 434.
Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области... С. 24; Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 133. См. также: Сгибнев А. Исторический очерк... С. 77; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22; Он же. Тихоокеанские окна России... С. 52, 152. Введенные в оборот источники не дают точной информации о времени реконструкции Колесовым Верхнекамчатского острога. Однако это несложно сделать, исходя из времени пребывания Колесова на Камчатке. Приказчик прибыл на полуостров в сентябре 1704 г., а убыл в мае 1706 г. Соответственно, учитывая климатические условия Камчатки, строительство нового острога в 1704 или 1706 гг. было невозможно. Сделать это Колесов мог только летом 1705 г.
Атлас географических открытий... № 50. С. 34–35.
Огрызко И. И. Открытие Курильских островов. С. 185.
РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 527, д. 12, л. 1.
С. П. Крашенинников, будучи на Камчатке в конце 1730-х гг., отмечал, что Верхний острог «и поныне стоит на том же месте, где сперва заведен» (Крашенинников С. П. Описание... С. 740).
Сгибнев А. Исторический очерк... С. 105, 106; Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 152.
Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 153.
Экспедиция Беринга. С. 63; Словцов П. А. Историческое обозрение... С. 269; Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 152.
Скаска Владимира Атласова о путешествии на Камчатку. С. 420; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 105; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. С. 33.
Крашенинников С. П. Описание... С. 477, 750; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 139; Сгибнев А. Исторический очерк... С. 77.
Словцов П. А. Историческое обозрение... С. 188; Приклонский В. Л. Летопись Якутского края... С. 31; Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели... С. 7; По мнению В. И. Кочедамова, Кобелев построил Большерецкий острог в 1702 г. (Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. С. 33).
Крашенинников С. П. Описание... С. 477.
Там же. С. 751.
РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 481, ч. 7, л. 174; Крашенинников С. П. Описание... С. 476, 477, 751.
Словцов П. А. Историческое обозрение... С. 188; Приклонский В. Л. Летопись Якутского края... С. 31; Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели... С. 7.
Огрызко И. И. Очерки истории сближения... С. 46; Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 120;
Орлова Е. П. Ительмены: Историко-этнографический очерк. СПб., 1999. С. 16.
Огрызко И. И. Очерки истории сближения... С. 46; Орлова Е. П. Ительмены... С. 16. То, что острог окончательно был «устроен» Многогрешным считал и В. Маргаритов, хотя он дату его основания относил к 1700 г. (Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели... С. 7).
Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 139.
Сгибнев А. Исторический очерк... С. 77; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока... С. 36;
Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. С. 52, 148; Он же. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 22.
Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области... С. 24. Изложение самой челобитной см.: Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 133.

Крашенинников С. П. Описание... С. 478, 752; Сгибнев А. С. Исторический очерк... С. 79; Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели... С. 8; Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 148.

ПСИ. Кн. 1. С. 460; Крашенинников С. П. Описание... С. 483, 743; Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. С. 97. Встречающееся в источниках указание на 1712 г. как год восстановления Большерецкого острога (КПЦКЧ. Л., 1935. С. 33, 43; ПСИ. Кн. 1. С. 513), неверно, поскольку совершенно точно известно, что уже в конце мая 1711 г. ительмены вновь осаждали острог, а с августа того же года казаки из Большерецка предприняли серию походов на «немирных иноземцев», в том числе на Курильские острова. См.: ПСИ. Кн. 1. С. 450, 460, 461–463, 502, 536; КПЦКЧ. С. 33–35, 194; Крашенинников С. П. Описание... С. 403, 483–484, 742, 743, 755, 756; Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 136–137; Огрызко И. И. Открытие Курильских островов. С. 177–180; Огрызко И. И. Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII в. // Вопросы истории Сибири. Л., 1961. С. 200–201; Гурвич И. С. Этническая история... С. 96–97; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 147, 150; Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. С. 141–143.

Крашенинников С. П. Описание... С. 483, 500–501, 743; Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 148.

Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. С. 126.

ПСИ. Кн. 1. С. 460, 513; Крашенинников С. П. Описание... С. 743.

См.: Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 13; Кочемамов В. И. Первые русские города Сибири. С. 37.

Огрызко И. И. Открытие Курильских островов. С. 185.

Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 149.

Экспедиция Беринга. С. 63.

Вдовин И. С. Анадырский острог... Вып. 2. С. 39; Он же. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 114; Гурвич И. С. Этническая история... С. 103–104; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 29; Сгибнев А. Исторический очерк... С. 87.

Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 114.

Крашенинников С. П. Описание... С. 137–138.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742. М.; Л., 1946. С. 78; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 114; Сгибнев А. Исторический очерк... С. 98.

ПСИ. Кн. 2. С. 510.

Атлас географических открытий... № 43. С. 28; № 44. С. 30.

Сгибнев А. Исторический очерк... С. 82–83.

Атлас географических открытий... № 43. С. 28; № 44. С. 30; № 47–50. С. 31, 33–35; № 54. С. 38–39.

Элерт А. Х. Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 257, 262.

ПСИ. Кн. 2. С. 73.

Крашенинников С. П. Описание... С. 137–138.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб.; Петропавловск-Камчатский, 1994. Т. 1. (Факсимильное воспроизведение издания 1755 г.).

Элерт А. Х. Новые материалы по истории русско-корякских отношений... С. 257, 262; Он же. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 100.

Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области... С. 165.

Атлас географических открытий... № 55. С. 39.

Там же. С. 39; Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане... С. 98–108; Он же. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII–XVIII вв. // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 779, 801; Он же. Из истории великих русских географических открытий. С. 155–162.

Фель С. Е. Картография России XVIII века. М., 1960. С. 73–74.

Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен... С. 168.

Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. Т. 3. С. 70–71.

Элерт А. Х. Новые материалы по истории русско-корякских отношений... С. 249–250; Он же. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. С. 100.

Атлас географических открытий... № 42. С. 27, 28; № 44. С. 30; № 47. С. 31; № 48. С. 33; № 49. С. 34; № 50. С. 34–35; № 54. С. 38–39.

ПСИ. Кн. 2. С. 480, 507, 528–529.

Там же. С. 529; Вдовин И. С. Анадырский острог... Вып. 2. С. 39; Он же. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 114.

КПЦКЧ. С. 90; Гурвич И. С. Этническая история... С. 103; Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв.: Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 59; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. С. 34. Надо, кстати, заметить, что В. И. Кочедамов, ведя речь о камчатских острогах, весьма невнимательно отнесся к использованным источникам и литературе, приняв ряд ительменских и корякских острожков за русские укрепления.

Элерт А. Х. Новые материалы по истории русско-корякских отношений... С. 254.

ПСИ. Кн. 1. С. 430.

Там же. С. 528.

Сгибнев А. Исторический очерк... С. 70; Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 12.

Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока... С. 36 (У него опечатка: 1769 г.); Вахрин С. Покорители Великого океана. Очерки. Петропавловск-Камчатский, 1993. С. 10.

Иохельсон В. И. Коряки: Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997. С. 10, 212.

Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России... С. 146.

Крашенинников С. П. Описание... С. 151–152.

ПСИ. Кн. 2. С. 482 — 485, 507–513; Элерт А. Х. Новые материалы по истории русско-корякских отношений... С. 252.

Так, И. С. Гурвич считал, что именно его в 1708 г. построил Е. Петров, а в 1715 г. осаждали коряки (Гурвич И. С. Этническая история... С. 103, 104). Но, как показано выше (а также в прилож. 1), это просто ошибка. Русский острог был построен в другом месте, а Акланский корякский острожек продолжал существовать и после 1708 г. РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 527, д. 12, л. 6об.

Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск. 2002, 330 с. В рамках данной страницы публикуются приложения 2-3 указанной работы.